

ФОЛЬКЛОРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА КУЛОЙ

1—13 июня 2002 г. на территории Совпольского с/с Мезенского р-на Архангельской обл. работала фольклорная экспедиция Поморского университета имени М.В. Ломоносова. В экспедиции участвовали сотрудники лаборатории фольклора и студенты факультета филологии и журналистики, а также профессор Вильнюсского университета Ю.А. Новиков. Работа была организована по проекту «Кулойская былинная традиция» при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 02-04-18014е). Во время экспедиции производилась аудио- и видеосъемка. Отснято 10 видеокассет, записаны и оцифрованы 23 аудиокассеты.

В 1901 г. в этих местах работал известный русский ученый А.Д. Григорьев¹, в 1916 и 1921 гг. собирала фольклор для своего сценического репертуара артистка О.Э. Озаровская². В 70-е гг. XX в. Кулой обследовали ученые Института русской литературы АН (Н.И. Хомчук, П.С. Выходцев, А.Н. Мартынова и др.); музыкальный фольклор этого района был объектом исследования М.А. Лобанова³.

Участники экспедиции 2002 г. провели сплошное обследование фольклорных традиций деревень Совполье и Карьеполье по специальным вопросам. Опрошено 70 исполнителей. Самая старшая — Ф.А. Емельянова, 1916 г.р., самая молодая — М.Е. Попова, 1979 г.р. Поиск эпоса проходил по сюжетам; например, исполнителям задавался вопрос, помнят ли они песню/рассказ о бое богатыря с женщиной («Владимир-жених») или о том, как богатырь-пьяница освобождает Киев от татар («Васька-пьяница и Курган-царь») и др. Исполнители сами говорят о полном исчезновении былин: «Это наши бабки-прабабки знали» (К.А. Попова, 1922 г.р.). Знание о былинах и богатырях преимущественно восходит к книжной традиции и сведениям, полученным в школе. Иногда они переплетаются с воспоминаниями детства.

Слово «богатырь» ассоциировалось у информантов со словами «богачи» и «кулаки». Удалось записать пословицу, относящуюся к былине «О неудавшейся женихе Алеши Поповича»: «Весело женился, да не с кем спать». Зафиксированы две частые песни, восходящие к былине «Чурила и Катерина»: «Расскажу вам рассказ, познакомился я раз» и др.

Почти полностью исчезли появившиеся позже былины исторические песни. От О.С. Белавиной, 1920 г.р., записана единственная историческая песня «Как по морю, морю синему корабель плывет». О некогда распространенной здесь песне «Запоем мы, запоем, как в армейской живем» вспомнила только С.Ф. Титова, 1932 г.р. На вопрос, пели ли здесь эту песню, она сказала: «Пели, пели, только давно. За столом пели в застолье». Зафиксирована единственная баллада «Муж-солдат в гостях у жены» («Мимо Питера да мимо Москвы»), ранее широко распространенная по всему Кулою.

Были найдены потомки сказителей, от которых записывали былины Григорьев и Озаровская. В 1901 г. самое большое количество былин было записано от Е.Д. Садкова, лучшего сказителя в Немнюге (так А.Д. Григорьев называл весь куст деревень у слияния рек Сова и Немнюги). От его правнучки Н.Д. Садковой, 1928 г.р., удалось записать лишь несколько быличек и описаний магических ритуалов. В 1921 г. О.Э. Озаровская записывала духовные стихи от жителя деревни Немнюги — Ефрема Осиповича Чирцова, портрет которого находится в ее архиве⁴. Внук Чирцова Е.Д. Попов, 1946 г.р., и правнучка Маша с трудом воспроизвели несколько быличек, которые были известны им от бабушки Марии Ефремовны — дочери Ефрема Чирцова. В их памяти он остался не исполнителем духовных стихов, а «знающим». В частности, в семье сохранился рассказ о посвящении Чирцова в колдуны.

Больше всего участниками экспедиции оказалось собрано образцов сказочной прозы. В основе некоторых — реальные факты. Недавно в деревне Совполье сгорел дом, пользовавшийся в округе недоброй славой. По рассказу местного жителя В.Г. Подсосенного, при строительстве дома использовали «несчастливое бревно». Его опознал мастер-плотник, ехавший с Пинеги на Мезень строить церковь. Он посоветовал заменить бревно, иначе под этой крышей не будут жить мужчины. Но хозяин не поверил, роковое бревно оставил. В полном соответствии с предсказанием пинежанина несчастья в доме приключались именно с мужчинами: многие погибли на войне; один угорел в лесной избушке — уснул и не проснулся; мальчик задохнулся в сугробе. Особенно драматично сло-

жилась судьба участника войны, вернувшегося с фронта без ноги. Ему назначили третью группу инвалидности; члены медицинской комиссии с издевкой предлагали отрезать еще пять сантиметров ноги, чтобы получить вторую группу. Несмотря на увещье, он удачно промысел в лесу, пополая тем самым скудный семейный бюджет. Окончательно сломили этого человека жесткие ограничения на охоту и рыбную ловлю. Не зная, как прокормить детей, он наложил на себя руки.

Стержневой мотив в разных вариантах оставался неизменным — «несчастливое» бревно, ставшее причиной гибели всех мужчин, живших в этом доме. Одна из исполнительниц уточнила, что это бревно было вытесано из какого-то дерева, которое нельзя использовать при строительстве. Другая связала произошедшее с вредоносными действиями лешего: «одно бревно было витое, как бы леший его вил». Третья рассказчица выдвинула иную версию — дом оказался несчастлив для хозяев, поскольку с их согласия заезжий знахарь лечил тяжело больную девушку. Ее нужно было «протянуть через матницу» строящейся избы; но целитель предупредил, что это может обернуться бедой для хозяина. Любопытно, что самый невыразительный рассказ записан от женщины, выросшей в этом доме. Она лишь подтвердила, что в обеих семьях «не жили мужчины, умирали», и связала это с чьим-то колдовством.

Загорелся дом оттого, что один из жильцов, проникнувшись жалостью к мерзнувшим овцам, решил оборудовать в хлеву печку; в результате недосмотра вспыхнули смолистые бревна постройки. Чтобы предотвратить распространение огня по деревне, дом обошли с иконой Богородицы. Женщина, выполнявшая этот ритуал и знающая заговор от пожара, позднее вспомнила, что бабушка когда-то учила ее: обносить икону вокруг горящей избы должна «раздетая донага жонка».

Хорошо сохранились поверья о домовом. Его здесь называют *домашницьком*, *даможирушком*, *дамовицькам*, *хозяином*, *хозяинушко* и часто отождествляют с лаской или *горностальком*. Рассказывают о том, что *домашницек* воеет, предупреждая хозяев о грозящей им беде; *давит* по ночам — его надо спросить, к добру это или к худу. Считают, если увидишь в доме

коровью ласку или станешь свидетелем того, как кот «задавил гороносталька», лучше переселиться в другое жилище, иначе случится несчастье. Во всех деревнях, где мы работали, зафиксированы поверья и былички о *баенницьке*, *лешем* и *лешичихе*. А вот о *нежити*, обитающей в заброшенных строениях, об овиннике, водяном (*цёртушке*), *полуношнице* помнят немногие. Охотно рассказывают о *девках в красных сарафанах*, которые пугают людей в лесу или поют возле Херья-ручья — «а чёго поют, непонятно».

До сих пор широко бытуют поверья о глазе (*прикосе*), о вредоносной магии. Считается, что *априкосить* может человек с черными глазами. Особенно популярны рассказы о том, как коров *прятали* в лесу, и они не могли уйти от какого-нибудь дерева, вытаптывая вокруг него траву. Одним из самых распространенных мотивов оказался мотив «скрадывания дороги»: ее *крали* у животных, которых покупали или продавали, чтобы они не ходили на старый двор. Иногда это магическое действие было направлено против молодоженов или влюбленных; дорогу воровали, чтобы рассорить и разлучить их.

«Если ты отдаешь животное кому-то другому; вот, вырастишь животное и отдаешь другому человеку. Я отдавала, например, сыну, Стасу отдавала <...> Эту корову, которую они сейчас держат, он повел. Я говорю: "Стас, ты укради дорожку". Так и сказала ему. Чтоб она не ходила домой-то сюда. Он ее увел. А я потом: "Ты украл дорожку?" Он говорит: "Да". [А он знает, как это делать?] Да-да, я сказала, как... [Вы нас научите, может, пригодится.] У вас дорожку украсть, так больше сюда не приедете! [Смеется.] Это идет след, которо, вот, идет животное, например, этот след берется сзади и перекидывается через голову ему. Животному, животному перекидывается. И со словами: "След беру, дорожку краду!" Три раза перекидывается, каждый раз берется заново. Через голову. Если животное так стоит, то ты берешь так сзади след <...> и переходишь к нему в голову и кидаешь через голову туда, назад <...> Я от бабушки Анны это знаю, от своей мамы я это не знаю <...> Мама моя, например, раньше заговаривала. Она как-то корову устанавливала. Чтобы корова отелая не лягалась <...> Если корова, например, отелилась, и послед у нее выпал, послед. Так она этот послед клала на

крестцы корове-то <...> Кресты — на заду у коровы-то. На кресты клала и говорила, что "Стой по-старому, как мать поставила!" И вот, какой цвет у коровы. Если чернушка, так говоришь: "Чернушка-голубушка, стой по-старому, как мать поставила". А если там беленька, то скажешь: "Лапушка моя беленькая, стой по-старому..." Три раза надо повторить» (К.И. Козарина, 1934 г.р.).

Из произведений песенного фольклора сохранились в основном те, которые исполнялись коллективно (свадебные, игровые, плясовые, протяжные песни, городские романсы, песни литературного происхождения). Характерная особенность местного репертуара — обилие переделок балагурного характера, в которых используются напевы и поэтические образы прототекстов: традиционных и массовых советских песен, городских романсов и даже фольклорных произведений других народов (напр., белорусской песни «Косив Яць конюшину...»).

Отмечается достаточно хорошая степень сохранности обрядов жизненного цикла. Свадебный обряд проходил в течение двух недель. До сих пор невесту в баню возят (ташат) на шубе: «Невесту в баню на шубе ташат — на шубу и чунка такая больша, не как санки, а побольше. Так постелят эту шубу и садят, и везти будет в байну» (Л.Ф. Титова, 1930 г.р.).

Жених и свекровь подвергались различным испытаниям; свекровь притворялась угоревшей, а невеста должна была ее «исцелить» и т.п. Дружке и другим свадебным чинам пели корильные песни, заставляя их откупаться.

Особенно хорошо сохранился ритуал собирания *баенника*. Его делали следующим образом: в скатерть зашивали ковригу хлеба, *рыбник* (пирог с рыбой), сахарницу, тарелку или другие предметы. Скатерть, используемая для баенника, называлась *запосажной*. Жених на третий день свадебного пира расшивал баенник. Конец нитки тщательно прятали, и найти его было большим искусством. Нитку, скатерть и горбушку от ковриги хранили в течение всей жизни и использовали в бытовой магии. В скатерть заворачивали ребенка, если у него была эпилепсия (*родимец*). Собираение баенника было распространено по всему Поморью⁵.

Лучше сохранился похоронный обряд. Записаны приметы, предвещающие смерть: стук охлупня на крыше, обраче-

ние взгляда тяжело болеющего человека на матицу (*матницю*), стук в окно и др. Одежду и постель покойного сжигали. Поминальными днями были девятый, двадцатый, сороковой, полгода и год. Чтобы не бояться покойника, когда обходили гроб, умершему *грели ноги* (держались руками за ноги), а родственникам на кладбище за шиворот сыпали землю.

Менее сохранилась родильно-крестильная обрядность. Выявлены запреты, которые должна была соблюдать женщина во время беременности. Беременным нельзя было участвовать в похоронах и ходить на кладбище, сидеть на пороге, заплетать косы, носить сережки. О времени родов нельзя было говорить матери и свекрови, «а то рожать тяжело будешь». Чтобы роды были легкими, считали, что надо вспоминать свою родственницу, которая легко рожала. Рожали на полу. Родившегося ребенка заворачивали в рубашку отца, а послед зарывали в хлев. Ногти и волосы не стригли до года. До этого ногти можно было только обкусывать. Первый раз ребенка стригли в год. Остриженные волосы сохраняли в течение жизни. Волосы вообще выбрасывать запрещали: «Волосы, говорили, надо обязательно уж сжигать, чтоб на улицу уж волосы не попадали. Секутся, хоть чего, потому что говорили: "Ворона гнездо съест — голова болеть будет"» (Р.П. Таборская, 1939 г.р.).

Заболевшего ребенка лечили при помощи магических действий: «продавали через окно» первому встречному, прорывали в земле туннель и протаскивали через него: «Младший брат хорошевыйкий был, дутиш. Мама-то все обижалась — это пинежский доктор его оприкосил. Приехал в ясли: "Вот, все бы дети были таки, как Володя Лемехов!" Да он заболел, заболел; да понос, да потом и не знаю что. Три года — рахит: не ходит, ноги, как колышки. Потом вот до того дошло, что мама в печку воду ставила [чтобы обмывать умершего] — вот-вот умрет. А потом решила. Ну, днем сходила к меже со старшим сыном, с Митей, вырыла дыру насквозь в меже, заложила ее камнями, чтобы собака не пробежала. А ночью, в двенадцать часов, завернула в запосажную скатерть и в эту дыру подала Мите. Приговаривала: "Мать — сыра земля! Здоровье давай или к себе прибирай!" Вот, один раз переда-

ла, потом Митя ей обратно отдал поверху, снова передала, присказала, и три раза, трижды. На другой день матушка пришла, а он сидит за столом. "У вас парень сегодня какой-то не такой! Парень не такой у вас какой-то!" Мама сходила, из мертвого озера, из живого озера принесла живой и мертвой воды, в одинаковы шкалики. Мешает, мешает. Вот, сунет ему мертвую воду — нет, все равно живую выберет! Да стал жить да жить, да поправился, и теперь живет. [А что это — живая и мертвая вода?] А вот, не знаю. Наверно, мертвая из мертвого озера... Живая вода, наверно, талая какая-нибудь, проточная» (К.А. Попова, 1922 г.р.).

Чтобы ребенка не сглазили, за ушами мазали сажей, а голову посыпали солью. Если у ребенка был сглаз, его мыли с затылка по направлению ко лбу («спереди на затылок»). Если ребенок не спал, его опахивали помелом, которым подметали в печи сажу и читали заговор от «полуношницы».

Необходимо отметить слабую степень сохранности календарных обрядов. Зафиксированы воспоминания о съезжих праздниках, или *канунах*. Рождество, Пасху, Ильин день и др. называли *сердитыми праздниками*. До сих пор на святки парни и девушки охотно *проказят* (известен и термин *кудесить*): прокладывают по снегу «дорожки от жениха к невесте», подпирают ворота и двери или заливают в притвор воду, чтобы она замерзла; разбрасывают сложные в поленицы дрова и т.п. Гадают в овинах, банях, на *ростанях* (прекрестках).

Сохранились воспоминания об исполнении по Кулою виноградий, но удалось записать только рождественские рацейки:

Христос рождается,
На печи катается.
Я наелся творогу,
Больше славить не могу
(К.И. Козарина, 1934 г.р.).

На Крещение делали проруби — *Иорданы*. В проруби купались ряженые, воду из нее приносили домой и обрызгивали ею помещение и скот.

На *Масленой неделе* совершались обряды, посвященные молодоженам, например совместное катание с гор, после которого молодоженов заставляли целоваться.

Лучше сохранились воспоминания об обрядах в *Страшной четверг*. С ранне-

го утра нужно было считать деньги и перебирать вещи, чтобы в течение года «деньги водились и наряды были»; в Благовещенье — скакали на досках, на Пасху начинали качаться на качелях.

Домашнюю скотину первый раз на улицу выгоняли на Егория (6 мая) или на Николу Вешнего (22 мая): «Сдавали на руки Николе и Богородице». Читали специальный заговор: «Никола-угодник, приими мою скотинушку, храни-береги до осени, до зимы, чтоб скотинушка была цела да сохранена». Гоняли скот к обетным крестам *овецаться* (К.И. Козарина, 1934 г.р.).

На Троицу в дом приносили березку, которую ставили в красный угол до Петрова дня. По ивановской росе надо было ходить босиком, чтобы ноги не болели. На Иванов день начинали готовить веники. Топили бани и при помощи первого веника, которым парились, гадали. Его бросали в реку: если веник тонул — это предвещало смерть, если плыл — замужество. Об Ильине дне говорят: «Вот ждем — скоро Илья покатится на тележке — картошку будем собирать». Осенью делали *отжинно* — окончание жатвы:

«Я вот у Оксеньи Афанасьевны, я тогда еще маленька была. Это дожинали поле-то, дак он эдакое:

Слава Богу,
До Нового году
Ниву пожали,
Страду пострадали.
Андреюшка обжался,
Петрович пострадался.

Это последний сноп когда дожинали да последнюю горсть обжинали» (С.Ф. Титова, 1932 г.р.)

О празднике Рождества Богородицы говорили: «Пречиста землю чистит», т.е. весь урожай должен быть собран.

По Немноге и Кулою сильно развита прозвищная традиция. Отдельным людям, семьям и жителям целых деревень дают меткие прозвища, сочиняют о них песенки-дразнилки. Преобладают прозвища, относящиеся к пищевому и орнитоморфному кодам. Жителей деревни Кулой называют *гагары*, Совполья — *опара*, *опарники*, Карьеполья — *шти*. В объяснениях обыгрываются мотивы, связанные с пищевыми пристрастиями: «А Совпола опару раньше растили, рожь-то молотили и варили опару, потому что здесь речка не очень рыболовна» (А.Г. Валькова, 1929 г.р.).

Наряду с кулинарным кодом в прозвищах отмечается ландшафтный: «по-

тому что река, как опара, ходит, то мелко, то глубоко», «потому что лед несет — он грязной. Ведь ездят на лошадях. Вот говорят: "Понесло немножску опару"» (С.Ф. Титова, 1932 г.р.).

Прозвища выполняют функцию микролокального размеживания, что нашло отражение в бытующей здесь дразнилке, обращенной к жителям этих деревень:

Кулойска гагара,
Немножска опара,
Карьепольски шти,
Ночевать пусти.

Отмечаются остатки прозвищных *опеваний* в виде частушек. Ими встречала друг друга молодежь соседних деревень:

Верхнеконешны⁶ уроды,
Городите огороды,
У вас ни карбаса, ни лодки —
У вас девки-криворотки
(З.В. Тюкавина, 1939 г.р.).

В частушке-дразнилке используется типичная для прозвищных поджанров пейоративная формула «уроды, городите огороды», широко распространенная в различных районах Архангельской и Вологодской областей.

Примечания

¹ Архангельские былины и исторические песни / Собр. А.Д. Гигорьевым в 1889—1901 годах. С напевами, записанными посредством фонографа: В 3-х т. Т. 2: Кулой. Прага, 1939.

² *Озаровская О.Э.* Пятиречие. 1931. Архангельск, 1989. Неопубликованные материалы хранятся в РО ИРЛИ. Кол. 12. П. 1—3, 6.

³ *Хомчук Н.И.* Экспедиции О.Э. Озаровской // Прометей: Ист.-биограф. альманах. М., 1983. Вып. 13. С. 187; *Выходцев П.С.* Современное состояние фольклора на Беломорье // Русский фольклор. Т. 22: Полевые исследования. Л., 1984. С. 5—29; *Лобанов М.А.* Старинные обряды и традиционный фольклор в деревнях и селах по реке Кулой. Абрамовскому и Зимнему берегам Белого моря // Там же. С. 35—49.

⁴ РО ИРЛИ. Кол. 12.

⁵ *Бернштам Т.А.* Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в. Л., 1983. С. 125.

⁶ Верхний конец — одна из деревень Совпольского селенческого куста.

Н.В. ДРАННИКОВА,
канд. филол. наук; Поморский гос.
университет им. М.В. Ломоносова;
Ю.А. НОВИКОВ,
доктор филол. наук;
Вильнюсский пед. университет